

УДК 811.512.145

АРАБО-ПИСЬМЕННЫЕ РУКОПИСИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Г.Г. Зайнуллин

Аннотация

Арабописьменные рукописи, написанные Николаем Гавриловичем Чернышевским, как фактический материал представлен впервые. Эти рукописи ранее не были известны русскому читателю. Большую часть рукописей представляют исторические предания, мунаджаты, образцы татарской богословской и суфийской литературы.

Русскоязычному читателю ничего не известно о рукописях Н.Г. Чернышевского, написанных им по-татарски с использованием разных почерков арабской письменности, которыми, без всякого сомнения, он владел в совершенстве. Эти рукописи хранились в фондах Центрального Государственного Архива литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ), фонд 1, опись 1, единица хранения № 298.

Рукописи, несправедливо обделенные вниманием биографов-исследователей Н.Г. Чернышевского, относятся к периоду его обучения в Саратовской духовной семинарии.

В этой публикации не ставилась задача проведения в полном объеме лексико-грамматического или литературоведческого анализа текстов рукописей. Они приведены в качестве фактического материала, так как эти рукописи могут привлечь внимание историков, филологов и др. С учетом того, что весь имеющийся рукописный материал не представляется возможным разместить в одну публикацию, фрагменты из текстов даны в транскрипции на основе кириллицы и лишь отдельные фрагменты из рукописей представлены в оригинале, т. е. на основе арабской письменности.

Эти рукописи могут быть интересными еще и тем, что они не просто переписаны с источника-оригинала, а изложены Н.Г. Чернышевским в собственной интерпретации. Но об этом позже. Здесь уместно сделать небольшой исторический экскурс.

В Саратовскую духовную семинарию Н.Г. Чернышевский поступил в 1842 году. Еще до поступления в духовную семинарию он самостоятельно выучил несколько западных языков. Однако на этом не остановился: «не довольствуясь обучением латинскому, греческому, французскому, немецкому и английскому языкам, он захотел учиться по-татарски и по-персидски. Выучившись очень быстро по-татарски, он нередко останавливался на улице татар, чтобы поговорить с ними на родном языке» [1, с. 12].

В Саратовской духовной семинарии Н.Г. Чернышевскому повезло и с учителем восточных языков. Здесь преподавал арабский и татарский языки Г.С. Саблуков – человек, которому впоследствии, по словам И.Ю. Крачковского, «удалось создать некую традицию арабистики и исламоведения в Казанской (духовной – Г.З.) академии» [2, с. 183]. В течение всей своей жизни Н.Г. Чернышевский сохранил глубочайшее уважение к своему учителю.

В светских школах и учительских семинариях Российской империи для преподавания местных языков привлекались также и «туземцы». Например, в Туркестанской учительской семинарии «сартовский язык преподавали: туземец Абдусаттархан Абдулгафаров, Хусаин Ибрагимов» [3, с. 32]. Главной особенностью Туркестанской учительской семинарии являлось в отличие от других семинарий Российской империи обязательное изучение двух «туземных языков». В расписании занятий 1903/04 учебного года на восточную каллиграфию в первом классе отводился один час, на изучение теории и практики персидского языка – пять часов в неделю во втором классе и четыре часа – в III, IV классах.

В спецшколе восточных языков при штабе Туркестанского военного округа, где в основном готовились переводчики (разведчики) из числа офицеров, также преподавались: персидский, персидский с арабскими основами, афганский, английский, сартовский (в соответствии со старой русской терминологией повсюду узбекский язык называется сартовским), хинди и китайский и в сравнительном плане – таджикский, туркменский языки. В числе обязательных дисциплин были также мусульманское право, история Востока и др.

При открытии курсов восточных языков в Ташкентской офицерской школе не предусматривалось преподавание китайского языка. Но очень скоро в учебный план были внесены коррективы. Этому способствовали и межгосударственные отношения, т. к. «Китай считался вначале спящим и потому не стоящим внимания. Однако Китай проснулся. Волна начавшегося на Востоке движения докатилась до соседней с Туркестаном забытой окраины, и наш округ тотчас же реагировал на это новое явление. Иначе и не могло быть: после войны с жёлтыми – вопрос русской чести на этом фронте». [4, с. 12].

Нам неизвестны мотивы подбора текстов. Однако среди арабо-письменных рукописей Н.Г. Чернышевского преобладают исторические предания, сказания из жизни мусульманских святых, а также образцы татарской богословской литературы, такие как мунаджаты и баиты, стихи духовно-религиозного содержания, посвященные пророку Гайсе-Иисусу и его матери Марьям, пророку Мухаммаду, в поэтической форме изложенное жизнеописание «справедливого» падишаха Харуна ар-Рашида и целое литературное произведение в стихах неизвестного автора. Однако оно приводится под заголовком «Бейт», которое известно в татарской литературе под названием «Кыйссаи Авык» или «Авык кыйссасы» (Сказание о газели). Само произведение написано красивым арабским почерком «наسخ» и начинается традиционным мусульманским славословием «Бисмиллаһир-Рахманир-Рахими» (Именем Аллаха милосердного милосердных).

По предположению ученых, это произведение (не превышающее 60 строк) было создано в XIV – XV вв. в Поволжье, и размер стиха тот же, что и у «Книги о Йусуфе» [5, с. 119].

Произведение «Кыйссаи Авык» напоминает арабскую «Калила и Димну», персидскую «Тутый-наме», где устами животных повествуется разные поучительные истории.

В «Кыйссаи авык» дикая газель попала в беду. Кяфиры – неверные – охотились в аравийской пустыне на авык (газель из семейства диких коз). В это время Мухаммад стоял у дороги. Он увидел, как сорок кяфиров поймали живую газель, а она с мольбой о помощи обратилась к Мухаммаду. Пророк мусульман, проявив жалость к раненой газели, просит у кяфиров отдать ее ему, предлагая взамен золото и серебро, на что он получает отказ. Кяфиры отнеслись к предложению Мухаммада с подозрением, решив, что он задумал совершить над ними какое-то колдовство, используя при этом кровь немощной газели.

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ

حیات

کافر بیگنی آفوق اولاب کلور ایردی	سبکلوک رسول یول اوزره قرورا ایردی
قرق کافر ترکه آفوق توتیش ایسی	سجده کا آفوق رازین ایستور ایسی
رسول توروب کافر لار کا قارشو کلدی	سرق کافر سجده کا سلام قیلدی
قرق کافر ننگ مسلمین سجده آلدی	آقرین آچوب رسول آفوقنی تیار اییدی
کافر ایستور قرق ایر برله او اولاب سی	بو کون کیلوب قانغه من تاغغه آشا یول
قرق ایر برله او اولاب بلفوز کیک توتسی	فتاک جرای من بو آفوقنی نیور اییدی
رسول ایستور بو آفوقنی سنکه سباتقیل	التوب کیوش کراک بولسه منغه منکم
اوشبو نصیق آفوقنی سنکه حیسر کسل	کافر توروب موندانغ جواب بیور اییدی
کافر اینورمونی منغه من قد اوچون تلابورسا	قانقن آکوب جامولقلار ایلام سورسن
ند بو نچه موندنک اوچون قتلانورسن	توغری سورلا یونی سنکه بهرام ایردی

Кяфир биге авык аулаб килүр ирде,
Сәвеклүк Рәсүл юл үзрә торур ирде,
Кырык кяфир терек авык тотмыш ирде,
Мөхәммәткә авык разын әйтүр имди

Рәсүл торуб кяфирләргә каршы килде,
Кырык кяфир Мөхәммәткә сәлам кыйлды.
Кырык кяфирнең сәламен Мөхәммәт алды,
Агзын ачуб Рәсүл авыкны теләр имди.

Кяфир әйтүр: Кырык ир берлә ау ауласы,
Бу көн килүб тагдин-тагга аша йөртди.
Кырык ир берлә ау аулаб ялгыз кийек тотсам,
Нәтәк биргәймен бу авыкны, тийүр имди.

Рәсүл әйтүр: Бу авыкны миңа сатгыл,
Алтын-көмеш кирәк булса, мәндин алгыл;
Ошбу зәгыйфь авыкны миңа биргел.
Кяфир торуб мондаг жавап бирүр имди.

Кяфир әйтүр: Моны мәндин нә өчүн теләйүрсән?
Канын алуб жәдуалыклар әйләйүрсән,
Нә мончә моның өчүн кателләнүрсән? –
Тугры сүзлә моны сиңа боерам имди

Раненая газель заговорила и поведала пророку Мухаммаду, как она попала в руки неверных: «У меня есть маленькие и беспомощные дети, они остались без присмотра. Каждый день я выбегала в горы и питалась там разными травами, а вечером возвращалась к своим детям и кормила их молоком. Сегодня вот попала в такую беду».

Авык әйтүр: Көн дә тагга чыкар ирсәм,
Төрлүк-гөрлүк сачәкләрне утлар ирдем;
Кичә килүб балаларым имезүр ирдем,
Бу көн килүб бу бәлагә төштем имди.

Мухаммад сказал кяфирам: «Жаль мне эту газель, у нее в горах остались трое маленьких детёнышей, и поэтому молю вас о милосердии, отпустите ее (к ее детям)». Кяфиры соглашаются отпустить газель к ее детям с одним условием: если Мухаммад сам останется у них заложником вместо нее. Предводитель кяфиров пригрозил Мухаммаду, что если газель обманет их и обратно не вернется, тогда он своим мечом отсечет ему голову:

Рәсүл әйтүр: Кызганырмын бу авыкны,
Тагда калмыш өч кечүчүк угланлары.
Аның өчүн ялварурмән сез кяфирләргә,
Рәхим кыйлуб мин шәфәгать кыйлам имди.
Кяфир әйтүр: Кем рәхименә килүр ирсә,
Ошбу авык баек сиңа сүзләр ирсә –
Зарын ачуб сәндин хажәт теләр ирсә,
Син буйуңны йөккә бу авыкка куйгыл имди.
Без тораек, ошбу авык әйүнә китсен,
Балаларын имезүбән кайра килсүн.
Килмәз ирсә, ошбу сүзләр нитәк булсын,
Кырык ир берлә сиңа икьрар кыйлам имди.
Авык баруб килерүн үзем күрәм,
Пәйгамбәрлек сәндин ирмеш, баек беләм.
Килмәз ирсә, кылыч берлә башың кисәм,
Рәсүл берлә бойлә вәгдә кыйлуру имди.

Газель к назначенному кяфирами времени не вернулась, так как попала в ловушку – сеть, натянутую между двух гор. Они ликовали о том, что скоро смогут расправиться с пророком мусульман. Бог послал Мухаммаду в помощь ангела Джебраила, сказав ему в напутствие: «Передай мое Благословение Мухаммаду!».

Джебраил поднял газель вместе с деревом, на котором она висела в сети, и перенёс в дом пророка. Газель, увидев благородный лик пророка Мухаммада, горько заплакала и сквозь слёзы, глубоко сожалея о том, что с ней произошло, поведала причину своего опоздания:

Авык эйтүр: Оятлыг булдым, хата кыйлдым,
Раст икенде намазына киләм тидүм,
Бу кяфирләр тозак кормыш, аңа төшдүм
Мэндин дэгүл бу кичекмәклек, тийүр имди.

За всем этим наблюдали кяфиры. Они спешно принялись молиться. Собрался весь народ Шама (Сирии). От увиденного чуда десять тысяч иудеев стали мусульманами. Кяфиры также произносили слова исповедания исламской веры: «Нет божества кроме Аллаха, Мухаммад пророк его», что означало также о принятии ими исламской веры.

Моны күрүб түкэл кяфир табынышдылар,
Андин торуб Шам халкы түкэл кэлдиләр,
Моны күрүб ун мең яһүд мөселман булды,
Түкэл кяфир шәһадәтне килтүрүр имди.

На с. 86–87 начинается другое стихотворение, не относящееся к произведению «Кыйссаи авык». В нем также повествуется о пророке Мухаммаде и попавшем в беду голубе:

Ишет ке эйдәйем йәнә бер хуш хәбәр,
Кем хәбәр килде Рәсүлдин мөгьтәбәр.
Бер гажәйеб дустанәдән бу гайәт, –
Мостафадан белүң моны мөгьжизат.

(Послушай-ка, поведаю тебе еще одну добрую весть,
И эта весть пришла от пророка почитаемого,
Чрезвычайно дружелюбием наполнена она,
Знай! Это чудесная весть – от Избранного!)

В верхнем левом углу с. 87 проставлен номер 896, а в конце страницы автор указал дату: 3.П.1849. Таким образом есть основание считать, что Н.Г. Чернышевский в годы учёбы на филологическом факультете Петербургского университета также продолжал изучение татарского и других восточных языков.

Язык этого духовно-религиозного стихотворения весьма пестрый. Однако, несмотря на наличие в нем арабской, османско-турецкой лексики и др. грамматических особенностей, они все же являются традиционными элементами старописьменного татарского литературного языка.

Мостафаның мөгьжизаты чук дорур,
Бән ни дирсәм жәлеб танук торур.
Рәсүл икенде намазын кыйлмыш иде,
Дога кыйлуб эл йөзә сыйпамыш иде.
Саг йагундан бер күгәрчен килде оча,
Кунды Рәсүл дезинә йашьләр сачә,

Йа Рәсүлүллаһ шәфәгать эстәрмен күзләгел.
Бер туфан сүнкүче килүр йөзләгел.

Өч көн булды ул туфан бәне куар,
Жаным алмак касдына улды сүәр.
Күзләр ирсәң күзләгел күзләгел имде килүр
Өч балачугым йа Рәсүл үксүз калур.
Күзләсәң дүстүр виргел очайым,
Йочә-йочә кайулар качайым.
Чөнкә ишетде Рәсүл бу сүзләри,
Йашь илә тулды мөбарәк күзләри.

Как отмечают исследователи, языку богословской литературы и вообще культовому языку типологически присущ некоторый консерватизм [6, с. 84].

Исторические тексты представлены двумя образцами: из книги, составленной Ибрагимом Хальфиным «Ахвале Чыңгыз хан вә Аксак Тимер» (Жизнеописание Чингизхана и хромого Тимура), а отдельные фрагменты – из истории тюрков.

Үзбәк хан үлгәндін соң Жанибәк ханны хан кыйлдылар

«Бу Жанибәк хан гажәб мөселман падишаһ ирде: Голәмә вә фозалә, вә зөһһад вә гоббадне йахшы хөрмәт кыйлуи ирде, вә шәһри Сарайчыкда тәхетгә ултурды, вә шәригәт горрәне пас тотар ирде.

Мәлике-әшраф бин Тимурташ тикән Азәрбайжан падишаһы ирде. Ул мәлик вә гажәйеб фасыйк вә залим ирде. Ул сәбәбдин Азәрбайжан әһале вә мәуалисе һәр тарафка мөтәфәррик булдылар. Казый Мөхеддин тикән шәһри Сарайчыкка качып барды вә анда сакин булды. Әмма көндә вәгазь әйтүр ирде. Бер көн казый Мөхеддин вәгазь әйтүр йиргә барды. Казый вәгазь әйтүб булгандин соң мәлике-әшрафның золем вә би-дадын андаг хикәйәт кыйлдыкем. Хан башлык, барча тар-зар йыгладылар. Андин соң казый Мөхеддин ханга әйтдекем: «Әгәр барыб мәлике-әшрафдин безнең дадымызны алыб бирмәсәң кыйамәт көне синәң әйтәле вә безнең кулумыз тиде. Ханга бу тәэсир кыйлды, чәрик чыкартыб мәлике-әшрафның өстигә атланды...» (с. 95–96).

اوز بيك خان اولكاندين مسونك جان بيك خان قىلد يالار

موسى بىك خان عجب مسلمان پادشاه ایردی و فضلا و عبادت و عبادتی بیخشی حرمت قیلور ایردی و شهر سراچچە
دا تاختغا اولتوردی و شمریجە غزانی پادشاه توتار ایردی ملک اشرف دین تپور تاش تیکان آرزو بانجان پادشاه
ایردی اول ملک اشرف عجاب فاسق و ظالم ایردی اول صمیمین آرزو بانجان اهل و عوالمس هر طرفه کاشقوة
بولدی یالار قاضی بیگی الدین تیکان شهر سراچچە غه: آرزوی و اندامساکن بولدی اما کوندا و غنڈ ایتور ایردی
برکون قاضی الدین و اعط ایتور یوگا باردی قاضی و غنڈ ایتوب بولغاندین مسونک ملک اشراق دینک ظلم و
بیدادین اندامی حکایت قیلدی بیک خان داندلیق دلیجا تار زار یغلا دیلور اندین مسونک قاضی بیگی الدین
خانغا ایتدی بیک المر بارید ملک اشرف دین مز دینک داد بیزنی الیب پرومادسنگ قیادت کونی صمیمینک ایتال
و بر دینک قولومز قییمی خانغا بو تأثیر قیلدی چیریک چقارتب ملک اشراق دینک اوستیجکا اتلانسی بارید

В небольшой по объему тетради изложена история создания Аллахом трона, скрижали, рая, солнца, луны, звезд, Каабы (священное место поклонения всех мусульман мира в г. Мекка), а также его пророков, ангелов и др. Эта тетрадь значится под номером 898. Она состоит из 12 рукописных страниц. На обложке на русском и арабском языках написано: «Николай Чернышевский. Йа Рабби» (О Господи). От начала до конца текст написан размашистым почерком. Он начинается традиционным мусульманским славословием «Бисмиллаһир-Рахманир-Рахими» и оформлен в виде круга:

«Тэхкыйк килде хэбэрдэ дөрестлекдэ Аллах Тэгалэ йаратды бер йыгач нурыдан. Бардур ул йыгачның дүрт ботагы, Ад бирде аңа шиксезлек агачы дийүб. Мондин соң йаратды Мөхәммәд галәйһиссәламнең нурын ак энжүдин, пәрде эчендә аның охшашы тауис охшашы кебидүр. Куйды аны ул йыгачга тәсбих әйтде ул йыгачда йитмеш мең йыл кадәре.

تحقیق کلدی خبرده درصنلکده اله نعم پراتدی بریغاج نور
 دان باردور اول یغاج ننگ دورت بوکافی اد ببردن آنکا شکسزلک اغلی
 دبوب بوخدین پراتدی محمد عم ننگ نوزین آف انجوردین پرده ایچنده
 اننگ اوخشاشی طاووس اوخشاشی کی دور قویدی ان اول یغاجغه تسبیح
 آیتدی اول یغاجده پنهمش ننگ یل قدره برزدین سووگ پراتدی اله
 نعم اوپاتلی کوزکوزسین قویدی اول کوزکوزی اول نور ننگ فارشوصینه

Николай Чернышевский

 يا رب
 يا رحمن

Мондин соң йаратды Аллах Тэгалэ оятлык көзгүсен. Куйды ул көзгүне ул нурның каршысына, бәс карады ул тауис көзгүгә, күрдә ул көзгүдә үзенә сүрәтен. Зиннәтләнде үзенә шәкелене күрүб, оялды Аллах Тэгаләдин, сәждә кыйлды биш мәртәбә булды, Ул сәждә безләргә уакытланмыш фарыз. Мондин соң бойурды Аллах Тэгалә биш уакыт намаз Мөхәммәд галәйһиссәламга, дәхи аның өммәтенә».

На 14 листах изложено предание о создании Аллахом Адама (с. 108–112), повествуется история тюрков, хазар, сакалибов, руссов, минов, китайцев и кимар (с. 112–114), а также история о хане татарском (с. 114–116).

«Ходай Тәгалә Адәмне йаратур булды ирсә Жәбраил галәйһиссәламга бойурдыкем йир йөзиндин туфрак алыб кил тиб. Әүәлдә йир йөзигә килүб туфрак алыб булганда йир хал(ик) теле берлән андин сурады кем: «Ни кыйла торурсән» тиб. Жәбраил уакыйгатыне бәйан кыйлды ирсә аңа Тәңре Тәгаләдин ант бирде: «Мәндин алмагыл аның өчүн кем тыңла, адәм фәрзәндләре күб булгандин соң, бери гасый, үә бери залим, үә бери гөнаһкяр булурлар. Анларны Ходай Тәгалә газаб кыйлур. Минем Тәңре Тәгаләнең газабыга үә газабыга табым йук торур», тиде ирсә Жәбраил туфрак алмады, кайтыб килүб Ходай Тәгаләгә йирнең гарзыны әйтде» (с. 108–109).

На с. 116–130 содержатся мунаджаты, другие короткие духовно-религиозные стихи, а также в поэтической форме рассказывается назидательная история о «справедливом» царе Харун ар-Рашиде (с. 116). Одна страница (обратная сторона с. 116) отсутствует.

Однажды к царю пришел один мудрец-кяфир и попросил у него разрешения задать ему пять вопросов. Царь выслушал его, но не смог найти ответа на заданные ему вопросы. Царю посоветовали пригласить юношу по имени Нугман, который в народе слыл умным и находчивым. Привели юношу, и началась полемика между мудрецом неверных и остроумным юношей Нугманом. Харун ар-Рашид и собравшийся народ внимательно наблюдали за всем этим. Это стихотворение имеется в двух вариантах.

خبر جبر ايلكاري كيم دور خدادين	ديكل برسون بويده حاجرادين
ديدهي نعلمي انكا تا اون حسابين	قيل الد جمده ايشت سوكره جواين
حساين قيلدي ترسا بر اونضا	بو ايشدين كوب خلاق قالدی تاكتا
ديدهي نعلمي كه بردين ايلكاريدين	جيلة ايلاي ايشت بيكاذ ديس
ديدهي اول بردين ايلكاري اثر جوق	اثر جوليسه اوزكادين خبر جوق
ديدهي نعلمي مكره ديوانه سوس	اوشلا بردين مكر بيكاذ سوس
ديدهي ترسا ده دور جيلملي ابي ختا	بوختك هم جبر جواجين اي خرد مند
ديدهي نعلمي لوزي بر دور خدادينكي	انكا هج جولها سوي سننكي كاشك
لوزي دور اوزكافي جيلملي خدادينه	كه يوقتور بيكيلي لوزيكا حاضنه
ديدهي ترسا ده دور مخلوق خالق	ايها سدور اول نه مخلوق خالقو

Бар ирде падишайе кәмрани,
Гадәләтдә ирде нәүширвани.
Кем Харун әр-Рәшид ирде аты,
Йитебдүр нөсхәдә йахшы сыйфаты.
Аның алтига бер тәрсайе дане,
Килүб гарыз ийтде әй шаһе тәүане!
Кыйлурмын биш сәәлем бар синдин,

Ишетсәң бер-бер әйтәй сина мәндин,
 Хәбәр бир элгәре кемдүр холайдин.
 Кыйл алдымда, ишет сонра жавабын.
 Хисабын кыйлды тәрса бердин унга,
 Бу эшдин күб халайык калды таңга.
 Диде Ногман ке Бердин элгәредин,
 Бәйан әйләй, ишет, биганәйе дин.
 Диде ул Бердин элгәре әсәр йук,
 Әсәр булмаса үзгәдин хәбәр йук.
 Диде Ногман: Мәгәр диванасән сән,
 Ушал Бердин мәгәр биганәсән сән.
 Диде тәрса нәдүр белмәс аны холавәнд,
 Боның һәм бир жавабын әй хардемәнд.
 Диде Ногман үзе бердер Ходаның,
 Аңа һич булмасун синең гөманың.
 Үзедүр үзгәне белмәс холавәнд,
 Ке йуктур бигөман үзигә манәнд.
 Диде тәрса нәдүр мәхлуку халикъ,
 Имәсдүр ул нимә мәхлуку халикъ

Н.Г. Чернышевский при переписывании образцов из источников не придерживался строгих правил, а использовал многие разновидности почерков арабской каллиграфии – «наسخ», «таълик», местами же наблюдается смешивание элементов почерков «куфи», персидского «шикасте» и др. Большинство текстов исторического содержания переписаны с особой тщательностью, соблюдены все правила арабской письменности. Они легко читаются. Однако некоторые тексты, очевидно, были написаны «не в настроении» – мелкими буквами (с. 95–100) или даже неряшливо (с. 120–122).

Поэтические предания представлены исключительно стихами духовно-религиозного, назидательного содержания. Есть несколько фрагментов, извлеченных из суфийских сочинений татарской литературы, например «Касыйдаи-Шариф» (Славная поэма). В ней 28 строк, в конце поэмы надпись: «Николай Чернышевский тээрехе 1260 елында яздым» (Николай Чернышевский, написал в 1260 году). Год здесь указан по мусульманскому летоисчислению, что соответствует 1844/45 году по христианскому календарю.

КАСЫЙДӘИ-ШӘРИФ

Холавәндә, кыйамәт көн мән гасый ни кыйлгаймән,
 Ушал аһ, нәдамәт көн мән гасый ни кыйлгаймән?
 Тәрәзә пелләсен корса зобанийлар көлеб торса,
 Ни кем кыйлмышларым сурса?
 Пәйгамбәрләр чүкүб дизин, сөртсәләр йиргә йөзен,
 Теләйүрләр жөмлә үзен.
 Гарасатга тикүрсәләр, миңа намә китүрсәләр,
 Укугыл дийүб бойурсалар.
 Синең капугыңда йа Аллах,

Гыйбадәт кыйлмадым аслан,
 Соруг вактында уауайлә.
 Вөжүдем жөмләсе гасыян, нә миндә хәйр нә ихсан,
 Бу халәт берлә йа гофран.
 Халайыкның кеми заһид, кеми галим, кеми габид, кеми суфый,
 кеми мөршид.
 Кеми гыйлмен гайан кыйлгай, кеми зөһден бәйан кыйлгай,
 Гамәллекләр аман булгай.
 Әгәр фазлың берлә сөйүрсәң,
 Котулгаймын гафу кыйлсаң, үгәр гадлең белән сөйүрсәң.
 Йөрүдин дөнъяны куалаб,
 Үземне коллыкга ташлаб, бу гөманлык белән йа Раб.
 Тәнемдин туным суйганда, жаным ләхедкә куйганда,
 Башымдин суны койганда.
 Ата-ана баш берлән, угыл-кыз күз йәш берлән,
 Булур башлыг баш берлән.
 Ушал көн йә Рәсүлүллаһ, сәвүнүрсән сиңа валлаһ,
 Шәфәгать кыйлмасаң нәгяһ.
 Алайе Шәмседдин үзе китде,
 Камуг йаранлары(ң) йанды,
 Гөнаһендин багышланды.

В текстах обнаружены ошибки в правописании отдельных букв, слов. Мы не стали их исправлять, а оставили так, как в рукописи. В завершении этой публикации считаем целесообразным также отметить, что все образцы татарской духовно-религиозной и суфийской литературы, а также исторических преданий были отобраны автором со смыслом. По нашему мнению, это отвечало и правилам православных духовных семинарий Российской империи, выпускникам которых предстояло работать миссионерами в тех местах, где проживало мусульманское население – в Поволжье, Сибири, на Кавказе, Средней Азии и в Крыму, а также в Сирии, Палестине, в Восточном Туркестане (Китай) и др. регионах. Саратовская духовная семинария также находилась близко от территорий с мусульманским населением. Она также вносила свою лепту в осуществление имперской политики в колонизированных землях Средней Азии. Мы далеки от мысли, чтобы навязывать уважаемому читателю мнение о том, что «бесцеремонный семинарист-социалист» Н.Г. Чернышевский, как его назвал В.О. Ключевский [7, с. 210], изучал язык, литературу татарского народа из праздного интереса. Его, как и других семинаристов, готовили с одной целью – для служения православной церкви, осуществления политики государства – христианизации народов, волею судеб оказавшихся в просторах Российской империи. Однако Н.Г. Чернышевский не стал духовным служителем, а предпочел продолжить учебу в Петербургском государственном университете, где он, обучаясь на филологическом факультете, продолжал посещать лекции известных отечественных востоковедов, таких как М.А. Казембек и др.

Summary

G.G. Zaynullin. Arabic manuscripts written by Nikolai Tchernyshevsky.

The manuscripts written in Arabic by Nikolai Tchernyshevsky are used as factual material for the first time. They were not known for Russian readers before. The most part of these manuscripts are historical legends, tales and several examples of Tatar theological and Sufi literature.

Литература

1. Беркова Л.Н. Биографический очерк. Н.Г. Чернышевский. – М., 1925. – С. 12.
2. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. – М.-Л., 1950. – С. 183.
3. Отчет Туркестанской учительской семинарии за XXV лет ее существования. – Ташкент, 1904. – С. 32.
4. Вестник школы восточных языков при штабе Туркестанского Военного Округа. – Ташкент.
5. История татарской литературы: в 6 т. – Казань, 1984. – Т. 1. – С. 119.
6. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. – Л., 1975. – С. 84.
7. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. / Под ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1990. – Т. IX. – С. 210.

Поступила в редакцию
03.04.06

Зайнуллин Габдулзамиль Габдулхакович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков, директор Института востоковедения Казанского государственного университета.